

Проклятая раса

Элизабет Клегхорн Гаскелл

An Accursed Race

Elizabeth Cleghorn Gaskell

The Project Gutenberg eBook of An Accursed Race.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Проклятая раса

Автор: Elizabeth Cleghorn Gaskell

Дата выхода: 1 марта 2001 [eBook #2531]

Последнее обновление: 22 декабря 2021 г.

Язык: Английский

Аккредитивы: Дэвид Прайс, Дженнифер Ли, Алев Акман и Энди Уоллес

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK AN ACCURSED RACE ***

ПРОКЛЯТАЯ РАСА

Элизабет Гаскелл

У нас в Англии есть свои предрассудки. Или, если это утверждение оскорбит кого-то из моих читателей, я изменю его: у нас в Англии были свои предрассудки. Мы пытали евреев, мы сжигали католиков и протестантов, не говоря уже о нескольких ведьмах и колдунах. Мы сатирически высмеивали пуритан и наряжали парней. Но, в конце концов, я не думаю, что мы были настолько плохи, как наши континентальные друзья. Конечно, наше изолированное положение в определенной степени избавило нас от вторжения чуждых рас; которые, изгнанные из одной страны-убежища, крадутся в другую, столь же не желающую их принимать, и где в течение долгих веков их присутствие едва переносится, и не делается никаких попыток скрыть отвращение, которое испытывают к ним местные жители "чистой крови".

В долинах Пиренеев, в Ландах близ Бурдо, еще сохранились остатки несчастного народа, называемого каготами, а в Нижней Бретани их численность увеличивается, простираясь на запад Франции. Даже сейчас происхождение этих семей является позорным словом для их соседей, хотя они находятся под защитой закона, который утвердил их в равных правах граждан в конце прошлого века. До этого они сотни лет жили в изоляции от всех тех, кто мог похвастаться чистой кровью, и все это время их угнетали жестокие местные эдикты. Они действительно были теми, кого в народе называли Проклятой расой.

Все явные следы их происхождения потеряны. Даже в конце того периода, который мы называем Средневековьем, это была проблема, которую никто не мог решить; а поскольку следы, которые и тогда были слабыми и неопределенными, исчезали один за другим, это остается полной загадкой и в наши дни. Почему они были прокляты в первую очередь, почему были изолированы от своего рода, никто не знает. Из самых ранних рассказов об их состоянии, которые дошли до нас, следует, что имена, которые они давали друг другу, игнорировались населением, среди которого они жили, которое говорило о них как о христианах или каготах, так же как мы говорим о животных по их родовым именам. Их дома или хижины всегда располагались на некотором расстоянии от деревень деревенских жителей, которые неохотно обращались к услугам каготов в качестве плотников, плиточников или раскатчиков - профессии, которые, как казалось, были присвоены этой несчастной расой; им запрещалось занимать землю или носить оружие - обычные занятия тех времен. Они имели небольшое право на выпас скота на общих землях и в лесах, но количество их скота и живности было строго ограничено самыми ранними законами, касающимися каготов. В одном из законов им запрещалось иметь более двадцати овец, свинью, барана и шесть гусей. Свинья должна была быть откормлена и убита для зимнего питания; руно овец должно было служить им одеждой; но если у этих овец были ягнята, им запрещалось их есть. Единственной привилегией, вытекающей из этого увеличения, было то, что они могли выбирать самых сильных и лучших, предпочитая оставлять старых овец. На Мартину власти коммуны обходили и пересчитывали поголовье каждого кагота. Если у него было больше положенного количества, их конфисковывали; половина шла в коммуну, половина - байли, или главному магистрату коммуны. Бедные животные были ограничены в количестве, которое они могли переходить в поисках травы. В то время как скот жителей коммуны мог бродить туда-сюда в поисках самой сладкой травы, самой глубокой тени или самого прохладного водоема, где можно было бы постоять в жаркие дни и лениво повалиться на боку, каготские овцы и свиньи должны были выучить воображаемые границы, за которыми, если они забредали, любой мог схватить их и убить, оставив часть плоти для собственного употребления, но милостиво вернув неполноценные части их первоначальному владельцу. Однако любой ущерб, нанесенный овцами, справедливо оценивался, и кагот платил за него не больше, чем любой другой человек.

Если кагот покидал свою бедную хижину и осмеливался выйти в город, даже чтобы оказать услуги, необходимые ему по роду его занятий, все муниципальные законы предписывали ему стоять и помнить о своем грубом старом состоянии. Во всех городах и деревнях больших районов по обе стороны Пиренеев - во всей этой части Испании - им запрещалось покупать и продавать что-либо съестное, ходить по средней (считавшейся лучшей) части улиц, входить в ворота до восхода солнца или находиться после захода солнца в стенах города. Но поскольку каготы были красивыми мужчинами и (хотя и носили некоторые естественные знаки своей касты, о которых я расскажу дальше) нелегко было отличить случайным прохожим от других мужчин, они были вынуждены носить какую-то отличительную особенность, которая должна была привлекать внимание; и в большем числе городов было постановлено, что внешним знаком кагота должен быть кусок красной ткани, пришитый на видном месте спереди его платья. В других городах знаком Кагота служила лапка утки или гуся, подвешенная через левое плечо так, чтобы ее видел любой встречный. Через некоторое время был принят более удобный знак - кусок желтой ткани, вырезанный в форме утиной лапки. Если кагот был обнаружен в каком-либо городе или деревне без своего значка, он должен был заплатить штраф в размере пяти су и лишиться своего платья. Он должен был сторониться любого прохожего, опасаясь, что

их одежда соприкоснется, или стоять неподвижно в каком-нибудь углу или закоулке. Если каготы испытывали жажду в те дни, которые они проводили в городах, где их присутствие едва терпели, у них не было возможности утолить жажду, так как им запрещалось заходить в маленькие кабаре или таверны. Даже вода, бьющая из общего фонтана, была для них запретной. Вдали, в их собственной убогой деревушке, был фонтан Кагот, и им не разрешалось пить другую воду. Женщину-кагот, вынужденную делать покупки в городе, могли выпороть из него, если она отправлялась за покупками только в понедельник - в этот день все остальные люди, кто мог, держали свои дома, опасаясь контакта с проклятой расой.

В Баскском заливе предрассудки и некоторое время законы были сильнее, чем все те, о которых я упоминал до сих пор. Баскскому каготу не разрешалось иметь овец. Он мог держать свинью для пропитания, но его свинья не имела права на выпас. Он мог косить и носить траву для осла, который был единственным животным, которым ему разрешалось владеть; и это было разрешено, потому что его существование было скорее преимуществом для угнетателя, который постоянно пользовался механическими навыками каготов и был рад, что его и его инструменты легко перевозили с места на место.

Раса получила отпор со стороны государства. В небольших местных органах власти они не могли занимать никаких должностей. Церковь едва терпела их, хотя они были добрыми католиками и ревностно посещали мессу. Они могли входить в церкви только через специально отведенную для них маленькую дверь, через которую никогда не проходил никто из представителей чистой расы. Эта дверь была низкой, чтобы заставить их поклониться. Иногда она была окружена скульптурой, которая неизменно изображала дубовую ветвь с голубем над ней. Войдя внутрь, они не могли прикладываться к святой воде, которой пользовались другие. У них была своя собственная вода; им не разрешалось приобщаться к освященному хлебу, когда его раздавали верующим чистой расы. Каготы стояли поодаль, возле двери. В нефе и в приделах существовали определенные границы - воображаемые линии, за которые они не могли заходить. В одной или двух более терпимых пиренейских деревнях освященный хлеб предлагался каготам, священник стоял по одну сторону границы и давал кусочки хлеба на длинной деревянной вилке каждому человеку по очереди.

Когда кагот умирал, его хоронили отдельно, на участке с северной стороны кладбища. При таких законах и предписаниях, как я описал, неудивительно, что он, как правило, был слишком беден, чтобы его дети могли унаследовать много имущества; но некоторые его части передавались в собственность коммуны. Единственным имуществом, к которому отказывались прикасаться все, кто не принадлежал к его расе, была его мебель. Она была испорченной, заразной, нечистой и не годилась ни для кого, кроме каготов.

Когда на протяжении по меньшей мере трех столетий таковы были распространенные обычаи и мнения в отношении этой угнетенной расы, неудивительно, что время от времени мы читаем о вспышках свирепого насилия с их стороны. Например, в Басс-Пиренеях всего около ста лет назад каготы из Рехуи восстали против жителей соседнего города Лурда и одержали над ними верх, как утверждают, с помощью своей магической силы. Жители Лурда были побеждены и убиты, а их жуткие окровавленные головы послужили торжествующим каготам мячами для игры в кегли! К этому времени местные парламенты начали понимать, насколько гнетущим был запрет общественного мнения, под которым находились каготы, и не были склонны применять слишком суровое наказание. Так, декрет парламента Тулузы приговорил к смерти только

главных каготов, участвовавших в этой драке, и постановил, что отныне и навсегда ни одному каготу не разрешается входить в город Лурд через любые ворота, кроме тех, что называются Капде-пуртет: им разрешается ходить только под водосточными трубами, не сидеть, не есть и не пить в городе. Если они не соблюдали хотя бы одно из этих правил, парламент в духе Шейлока постановлял, чтобы у непокорных каготов вырезали по две полоски плоти весом не более двух унций за штуку с каждой стороны позвоночника.

В четырнадцатом, пятнадцатом и шестнадцатом веках убить кагота считалось не большим преступлением, чем уничтожить несносных паразитов. В шестнадцатом веке в заброшенном замке Мовезин собралось "гнездо каготов", как говорится в старых источниках, и, конечно, они оказались не очень приятными соседями, поскольку, похоже, пользовались репутацией магов; И, благодаря каким-то известным им акустическим секретам, в окрестных лесах раздавались всевозможные стоны и стенания, что очень тревожило добрых людей чистой расы; они не могли срубить засохшую ветку для дров, потому что какой-то неземной звук, казалось, наполнял воздух, и не могли пить воду, которая не была отравлена, потому что каготы упорно наполняли свои кувшины из одного и того же ручья. К этим обидам добавлялись различные кражи, постоянно происходившие поблизости, и жители соседних городов и деревушек считали, что у них есть вполне достаточные основания для того, чтобы убить всех каготов в замке Мовезин. Но он был окружен рвом, и попасть в него можно было только через разводной мост; кроме того, каготы были свирепы и бдительны. Некий человек решил войти к ним в доверие и для этого притворился, что заболел недалеко от их дороги, так что, вернувшись в свою крепость, они заметили его, приняли, восстановили здоровье и подружились с ним. Однажды, когда все они играли в девятку в лесу, их вероломный друг покинул их под предлогом жажды и вернулся в замок, завалив мост после того, как прошел по нему, и тем самым отрезав им путь к спасению. Поднявшись на самый верх замка, он затрубил в рог, и чистокровные, стоявшие на страже в ожидании такого сигнала, обрушились на каготов во время их игр и перебили их всех. За это убийство я не нашел никакого наказания ни в парламенте Тулузы, ни где-либо еще.

Поскольку любые браки с представителями чистой расы были строго запрещены, а в каждой коммуне велись книги, в которые заносились имена и местожительства предполагаемых каготов, у этих несчастных не было никакой надежды когда-нибудь смешаться с остальным населением. Если каготский брак все же заключался, супругам пели сатирические песни. У них также были менестрели, и многие из их романсов до сих пор звучат в Бретани; но они не пытались мстить за сатиру или оскорбления. Их нрав был приветлив, а ум велик. В самом деле, чтобы сделать их жизнь сносной, требовались оба эти качества и большая любовь к механическому труду.

В конце концов, они начали просить о том, чтобы их защитили законы, и к концу семнадцатого века судебная власть встала на их сторону. Но они мало что выиграли от этого. Закон не мог одержать верх над обычаем, и в течение десяти или двадцати лет, предшествовавших первой французской революции, предубеждение во Франции против каготов доходило до яростного и положительного отвращения.

В начале XVI века каготы Наварры пожаловались Папе Римскому, что они исключены из сообщества людей и прокляты Церковью, поскольку их предки оказали помощь некоему графу Раймонду Тулузскому в его восстании против Святого Престола. Они умоляли его святейшество не насылать на них грехи их отцов. Тринадцатого мая пятнадцатого года Папа издал буллу,

предписывающую хорошо обращаться с ними и предоставить им те же привилегии, что и остальным людям. Он поручил дону Хуану де Санта-Мария из Пампелуны проследить за исполнением этой буллы. Но дон Хуан медлил с помощью, и бедные испанские каготы не выдержали и решили испытать светскую власть. Они обратились в Наваррские кортесы, но получили отпор по целому ряду причин. Во-первых, было заявлено, что их предки не имели "никакого отношения ни к Раймонду графу Тулузскому, ни к какой-либо подобной рыцарской персоне; что они на самом деле являются потомками Гехази, слуги Елисея (вторая книга Царств, пятая глава, двадцать седьмой стих), который был проклят своим хозяином за обман Наамана и обречен, он и его потомки, быть прокаженными навеки". Имя - Кагот или Гахет; Гахеты - гехазиты. Что может быть яснее? А если и этого мало, и вы скажете, что Каготы теперь не прокаженные, мы ответим, что есть два вида проказы, один ощутимый, а другой незаметный даже для страдающего ею человека. Кроме того, в деревне говорят, что там, где ступает Кагот, трава вянет, что доказывает неестественный жар его тела. Многие заслуживающие доверия свидетели также скажут вам, что если кагот держит в руке свежесобранное яблоко, то через час оно сморщится и завянет так же сильно, как если бы его продержали целую зиму в сухом помещении. Они рождаются с хвостами, хотя родители достаточно хитры, чтобы сразу же их отщипнуть. Вы сомневаетесь в этом? Если это не так, то почему дети чистой расы с удовольствием пришивают овечьи хвосты к платью любого кагота, который настолько поглощен своей работой, что не замечает их? А их телесный запах настолько ужасен и отвратителен, что говорит о том, что они, должно быть, еретики, причем какие-то мерзкие и пагубные, ибо разве мы не читаем о благовонии добрых работников и благоухании святости?"

Таковы были аргументы, с помощью которых каготы были отброшены в худшее положение, чем когда-либо, в том, что касалось их прав как граждан. Папа настаивал на том, чтобы они получили все свои церковные привилегии. Испанские священники ничего не сказали, но молчаливо отказались позволить каготам смешаться с остальными верующими, живыми или мертвыми. Проклятая раса добилась от императора Карла Пятого законов в свою пользу, которые, однако, некому было привести в исполнение. В качестве своеобразной мести за покорность и дерзость, с которой они посмели пожаловаться, местные власти отобрали у них все орудия труда: один старик и вся его семья умерли от голода, лишившись возможности ловить рыбу.

Они не могли эмигрировать. Даже переезд их бедных глинобитных жилищ с места на место вызывал гнев и подозрения. Так, в тысяча девятьсот девяносто пятом году испанское правительство приказало алькальдам разыскать всех каготов и изгнать их до истечения двух месяцев под страхом уплаты пятидесяти дукатов за каждого кагота, оставшегося в Испании по истечении этого срока. Жители деревень поднялись и выпороли всех представителей этой несчастной расы, которые могли оказаться в их окрестностях; но французы были начеку и не позволили им въехать во Францию. Многие из них были загнаны в негостеприимные Пиренеи, где умирали от голода или становились добычей диких зверей. Когда их отправляли в бегство, они были обязаны надевать перчатки и обувь, иначе камни и трава, по которым они ступали, а также балюстрады мостов, по которым они переходили, по поверьям, могли стать ядовитыми.

И все это время во внешнем облике этого несчастного народа не было ничего примечательного или отвратительного. В них не было ничего, что позволило бы предположить, что они прокаженные - самый естественный способ объяснить то отвращение, с которым к ним относились. Их неоднократно осматривали ученые врачи, чьи эксперименты, хотя и были

необычными и грубыми, судя по всему, проводились в духе гуманности. Например, хирурги короля Наварры в шестнадцатисотом году пустили кровь двадцати двум каготам, чтобы изучить и проанализировать их кровь. Это были молодые и здоровые люди обоих полов, и врачи, похоже, ожидали, что им удастся извлечь из их крови какой-то новый вид соли, который мог бы объяснить удивительную теплоту их тел. Но их кровь была такой же, как у других людей. Некоторые из этих медиков оставили нам описание общего вида этой несчастной расы в то время, когда они были более многочисленны и менее перемешаны, чем сейчас. Семьи, проживающие на юге и западе Франции, которые, как считается, происходят от Кагот в настоящее время, как и их предки, высоки, крупно сложены и мощны; у них светлый и румяный цвет лица, серо-голубые глаза, в которых некоторые наблюдатели видят задумчивую тяжесть взгляда. Губы у них толстые, но хорошо сформированные. В некоторых отчетах их печальное выражение лица называется с удивлением и подозрением: "Они не веселые, как другие люди". Удивительно, если бы они были такими. Доктор Гюйон, медик прошлого века, оставивший самые достоверные сведения о здоровье каготов, говорит о бодрой старости, которой они достигают. Только в одной семье он обнаружил мужчину семидесяти четырех лет, такую же старую женщину, собиравшую вишни, а другая женщина в возрасте восьмидесяти трех лет лежала на траве, расчесывая волосы своим правнукам. Доктор Гюйон и другие хирурги исследовали ужасно заразный запах, который, как говорят, каготы оставляют после себя и на всем, к чему прикасаются; но они не смогли обнаружить ничего необычного в этой голове. Они также осмотрели их уши, которые, согласно общепринятому мнению (существующему и по сей день), отличались от ушей других людей: они были круглыми, без мочки плоти, в которую вставляется ушное кольцо. Они решили, что у большинства каготов, которых они обследовали, уши такой круглой формы; но они серьезно добавили, что не видят причин, по которым это должно лишать их доброго расположения людей и возможности занимать должности в церкви и государстве. Они зафиксировали факт, что дети в городах бегали с криками за любым каготом, который был вынужден выйти на улицу, чтобы сделать покупки, в связи с этой особенностью формы уха, которая имела некоторое сходство с ушами овец, когда их стригли пастухи в этом районе. Доктор Гийон приводит случай с красивой девушкой из Кагота, которая пела очень сладко и просила разрешить ей петь кантики на органе. Органист, скорее музыкант, чем фанатик, разрешил ей прийти, но возмущенные прихожане, узнав, откуда исходит этот чистый, свежий голос, бросились на органный чердак и прогнали девушку, сказав ей "помни о своих ушах" и не совершай святотатства - петь хвалу Богу вместе с чистой расой.

Но это медицинское заключение доктора Гюйона, приводившее факты и аргументы, подтверждавшие его мнение о том, что нет никаких физических причин, по которым каготы не могли бы быть приняты на условиях социального равенства остальным миром, сделало для его клиентов не больше, чем юридические декреты, обнародованные за два столетия до этого. Французы доказали истинность изречения Гудибраса.

Тот, кого убедили против его воли, остается при том же мнении.

И действительно, убеждение доктора Гюйона в том, что они должны принять Кагота как своего сородича, только усилило их ярость в заявлении о том, что они этого не сделают. Одно или два небольших происшествя, о которых сохранились записи, показывают, что горечь отвращения к Каготам была в полной силе в период, предшествовавший первой французской революции. В семнадцать тысяч восемьдесят году жил некий месье д'Абедос, викарий Лурда и брат сеньора соседнего замка; он был хорошо образован для того времени, путешественник, благоразумен и

умерен во всех отношениях, кроме своего отвращения к каготам: он оскорблял их у самого алтаря, взывая к ним, когда они стояли в отдалении: "О, вы, каготы, проклятые во веки веков!" Однажды полуслепой Кагот оступился и коснулся кадильницы, которую нес перед собой аббат де Лурд. Его тут же выгнали из церкви и запретили когда-либо входить в нее. Неизвестно, как объяснить тот факт, что брат этого фанатичного аббата, сеньор деревни, женился на каготской девушке; но это было так, и аббат возбудил против него судебный процесс, и у него отобрали его поместья, только из-за его брака, который привел его в состояние кагота, против которого все еще действовал старый закон. Потомки этого сеньора де Лурда и по сей день являются простыми крестьянами, работающими на землях, принадлежавших их деду.

Это предубеждение против смешанных браков сохранялось до недавнего времени. Традиция о происхождении Кагот сохранялась в народе еще долгое время после того, как законы против проклятой расы были отменены. В последние несколько лет одна бретонская девушка, имея двух любовников, каждый из которых предположительно имел каготское происхождение, обратилась к нотариусу, чтобы тот изучил их родословные и выяснил, в ком из них меньше всего каготского; и тому из них она отдала свою руку. В Бретани эти предрассудки, похоже, были более яростными, чем где-либо еще. Месье Эмиль Сувестр приводит доказательства ненависти, которую питали к ним в Бретани совсем недавно, в восемнадцать тысяч тридцать пять году. Совсем недавно один пекарь в Эннебоне, женившись на девушке из рода Кагот, потерял все свои обычаи. Крестный отец и крестная мать каготского ребенка по бретонским законам сами становились каготами, если только бедный малыш не умирал, не дожив до определенного числа дней. Они должны были есть мясо мясников, осужденное как нездоровое; но по какой-то непонятной причине считалось, что они имеют право на любой разрезанный батон, перевернутый вверх дном, срезанной стороной к двери, и могли войти в любой дом, в котором видели батон в таком положении, и унести его с собой. Около тридцати лет назад в бретонской церкви близ Квимперля в качестве жертвоприношения висел скелет руки, по преданию, принадлежавший богачу Каготу, который осмелился взять святую воду из обычного бенье, где-то в начале правления Людовика Шестнадцатого; Старый солдат, ставший свидетелем этого, затаился, и когда преступник в следующий раз подошел к бенитеру, он отрубил ему руку и повесил ее, истекающую кровью, в качестве подношения святому покровителю церкви. Бедные каготы в Бретани подали прошение против своего позорного имени и умоляли, чтобы их называли Маландринами. Для английского слуха одно из этих названий - то же самое, что и другое, поскольку ни то, ни другое не несет никакой смысловой нагрузки; но потомки каготов и по сей день не любят, когда к ним применяют это имя, предпочитая Маландринов.

Французские каготы пытались уничтожить все записи о своем изгойском происхождении во время беспорядков в семнадцать тысяч восемьсот девяносто девятом году; но если записи исчезли, традиция все еще остается, и указывает на такую-то и такую-то семью как Кагот, или Маландрин, или Ойзелье, в соответствии со старыми терминами отвращения.

Ученые люди по-разному пытаются объяснить всеобщее отвращение, которое вызывает эта хорошо сложенная, сильная раса. Некоторые говорят, что антипатия к ним возникла в те времена, когда проказа была ужасно распространенной болезнью; и что каготы более других людей подвержены кожной болезни, не совсем проказе, но напоминающей ее по некоторым симптомам, таким как мертвенная белизна лица, отеки на лице и конечностях. В поведении людей также прослеживалось некоторое сходство с древним еврейским обычаем в отношении прокаженных; встретив кагота, они восклицали: "Кагот? Кагот?", на что они должны были

отвечать: "Перлут! Перлут!". Проказа не является заразной болезнью, несмотря на ужас, в котором в некоторых местах держат мебель Кагот и ткани, сотканые ими; это заболевание наследственное, и поэтому (говорят эти мудрые люди, которые потрудились объяснить происхождение Каготерии) разумно и справедливо предотвращать любые смешанные браки, в результате которых эта ужасная склонность к проказе могла бы распространиться далеко и широко. Другой авторитет утверждает, что, хотя каготы - прекрасные на вид люди, трудолюбивые и хорошие механики, они несут в своих лицах и показывают в своих действиях причины того отвращения, в котором их держат: их взгляд, если вы его встретите, - это джеттатура, или сглаз, и они злобны, и жестоки, и лживы больше всех других людей. Все эти качества они получили от своего предка Гехази, слуги Елисея, вместе со склонностью к проказе.

Еще говорят, что они происходят от арианских готов, которым после поражения от короля Хлодвигу было позволено жить в некоторых местах Гиени и Лангедока при условии, что они отрекутся от своей ереси и навсегда отделят себя от всех остальных людей. Главной причиной, выдвигаемой в поддержку этого предположения об их готском происхождении, является спекулятивная деривация - Chiens Gots, Cans Gets, Cagots, что равнозначно Dogs of Goths.

Опять же, считалось, что они были сарацинами, пришедшими из Сирии. В подтверждение этой идеи существовало поверье, что все каготы обладают ужасным запахом. Лангобарды также были неискоренимой расой, или так считалось среди италийцев: свидетельство тому - письмо папы Стефана Карлу Великому, в котором он отговаривал его от женитьбы на Берте, дочери Дидье, короля Ломбардии. Ломбардцы кичились своим восточным происхождением и были шумными. Каготы были шумными, а значит, должны иметь восточное происхождение. Что может быть яснее? Вдобавок к этому можно было доказать, что имя Кагот, которое сторонники сарацинского происхождения считали Chiens, или Chasseurs des Gots, потому что сарацины прогнали готов из Испании. Кроме того, сарацины изначально были магометанами и, как таковые, обязаны были мыться семь раз в день: отсюда и значок утиной лапки. Утка - это водоплавающая птица: Магометане купались в воде. Доказательство за доказательством!

В Бретани было принято считать, что они имеют еврейское происхождение. Их неприятный запах снова был пущен в ход. Было известно, что у евреев есть физический недуг, который можно вылечить либо купанием в определенном фонтане в Египте, что было далеко от Бретани, либо помазав себя кровью христианского ребенка. Кровь вытекала из тела каждого кагота в Страстную пятницу. Неудивительно, если они были еврейского происхождения. Это был единственный способ объяснить столь знаменательный факт. Опять же, Каготы были столярами, что давало бретонцам все основания полагать, что их предки были теми самыми евреями, которые сделали крест. Когда из Бретани в Америку хлынул поток эмиграции, угнетенные каготы толпились в портах, стремясь попасть в какую-нибудь новую страну, где их род мог быть неизвестен. Вот еще одно доказательство их происхождения от Авраама и его кочевого народа: сорокалетнее скитание по пустыне и сам Бродячий еврей были поставлены на службу, чтобы доказать, что каготы получили свою неугомонность и любовь к переменам от своих предков, евреев. Евреи также занимались магическими искусствами, а каготы продавали бретонским морякам мешки с ветром, заколдовывали девиц, чтобы те их любили, - девиц, которые никогда бы их не полюбили, если бы не были предварительно заколдованы, заставляли полые камни и деревья издавать странные и неземные звуки и продавали волшебную траву под названием *бон-сукцесс*. Правда, во всех ранних актах XIV века к евреям применяются те же законы, что и к каготам, и эти названия, похоже, используются без разбора; но их светлый цвет лица, их

удивительная преданность всем обрядам католической церкви и многие другие обстоятельства не позволяют нам считать их еврейского происхождения.

Другая очень правдоподобная идея заключается в том, что они являются потомками несчастных людей, страдающих зобом, который и по сей день является нередким заболеванием в ущельях и долинах Пиренеев. Некоторые даже производят слово "зоб" от "гот", но их название, Крестия, не отличается от Кретина, и те же симптомы идиотизма не были редкостью среди каготов; хотя иногда, если верить старой традиции, их болезнь мозга принимала скорее форму жестокого бреда, который нападал на них в новолуние и полнолуние. Тогда рабочие откладывали свои инструменты и бросались с работы, чтобы разыграть безумные шалости по всей стране. Чтобы облегчить агонию ярости, охватывавшую каготов в такие моменты, требовалось постоянное движение. В этом стремлении к быстрому движению они напоминали неаполитанскую тарантеллу, а в безумных поступках, которые они совершали во время таких приступов, - северного берсерка. В Беарне, особенно в Беарне, страдающих этим безумием боялись представители чистой расы; беарнцы, отправляясь резать свои деревянные башмаки в великие леса, что лежат вокруг основания Пиренеев, больше всего на свете боялись приблизиться к периодам, когда Кагутель набрасывался на угнетенный и проклятый народ; от которого тогда наступала очередь угнетателей бежать. На памяти некоторых жил человек, который женился на жене кагота; при первых симптомах кагутеля он бил ее как следует и, доведя ее до полного изнеможения и бесчувствия, запирали до тех пор, пока луна не меняла свой облик на небосводе. Если бы он не предпринял таких решительных шагов, говорят старейшие жители, неизвестно, что могло бы случиться.

С тринадцатого по конец девятнадцатого века существует достаточно фактов, чтобы доказать всеобщее отвращение, с которым относились к этой несчастной расе; называли ли их каготами или гагетами в пиренейских районах, како в Бретани или якерос в Астурии. Великая французская революция принесла некоторую пользу из своего брожения в народе: более разумные из них пытались преодолеть предрассудки против каготов.

В 1718 году в Биаррице рассматривалось знаменитое дело, касающееся прав и привилегий каготов. Жил богатый мельник Этьен Арно, по имени Этьен, из рода Готц, Кваготц, Бисиготц, Астратотц или Гахетц, как его народ описывается в юридическом документе. Он женился на наследнице, Готте (или Кагот) из Биаррица; и новоиспеченная зажиточная пара не видела причин, по которым они должны стоять у дверей в церкви, а он не должен занимать какую-либо гражданскую должность в коммуне, главным жителем которой он являлся. Поэтому он обратился к закону с просьбой разрешить ему и его жене сидеть на галерее в церкви и освободить его от гражданских обязанностей. Этот богатый белый мельник Этьен Арно отстаивал свои права против Бейли из Лабурда, сановника окрестностей. Тогда жители Биаррица собрались под открытым небом восьмого мая в количестве ста пятидесяти человек, одобрили поведение бейли, отвергнувшего Арно, сделали подписку и дали все полномочия своим адвокатам защищать дело чистой расы против Этьена Арно - "этого чужака", который, женившись на девушке каготской крови, также должен быть изгнан из святых мест. Эта тяжба прошла через все местные суды и завершилась апелляцией в высший суд Парижа, где было вынесено решение против баскских суеверий, и Этьен Арно получил право впредь входить на галерею церкви.

Конечно, жители Биаррица были тем более свирепыми, что были покорены; и четыре года спустя плотник Мигель Легарет, подозреваемый в происхождении от Кагот, разместившись в церкви среди других людей, был вытащен оттуда аббатом и двумя приходскими юристами. В тот момент Легарет защищался острым ножом, а после обратился в суд; в итоге аббат и два его сообщника были приговорены к публичной покаянной исповеди, которую они должны были произнести, стоя на коленях у дверей церкви, сразу после обедни. Они обжаловали это решение в парламенте Бурдо, но добились не большего успеха, чем противники мельника Арно. За Легаре было подтверждено его право стоять в приходской церкви там, где ему заблагорассудится. То, что живой Кагот имел равные права с другими мужчинами в городе Биарриц, казалось, теперь уступило им; но мертвый Кагот - это совсем другое дело. Жители с чистой кровью долго и упорно боролись за то, чтобы их похоронили отдельно от отвратительной расы. Каготы не менее настойчиво требовали, чтобы у них было общее место погребения. Снова были использованы тексты Ветхого Завета, и чистая кровь с триумфом процитировала прецедент прокаженного Уззии (двадцать шестая глава второй книги Хроник), который был похоронен на поле Гробниц царей, а не в самих гробницах. Каготы утверждали, что они здоровы и трудоспособны, и на них нет и следа проказы. На это они ответили сильным аргументом, который так трудно опровергнуть и который я уже цитировал. Проказа бывает двух видов: осязаемая и неосязаемая. Если каготы страдали от последнего вида, кто мог сказать, свободны они от него или нет? Это решение должно быть оставлено на усмотрение других.

Одна только крепкая семья Кагот, по имени Белоне, в течение сорока двух лет вела тяжбу, требуя привилегии общего захоронения; хотя куратор Биаррица должен был выплачивать по сто ливров за каждого Кагота, не погребенного в положенном месте. Жители возместили викарию все эти штрафы.

Месье де Романь, епископ Тарбский, умерший в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году, был первым, кто позволил каготу занять какую-либо должность в церкви. Конечно, некоторые были настолько бездуховны, что отказывались от должностей, когда им их предлагали, потому что, заявляя о своем равенстве, они должны были платить те же налоги, что и другие люди, вместо ранкаля или налога на столб, взимаемого с каготов; сборщик этого налога имел также право требовать кусок хлеба определенного размера для своей собаки в каждом каготском жилище.

Даже в нынешнем веке в некоторых церквях архидьякону округа, а за ним и всему духовенству приходилось выходить через маленькую дверь, ранее отведенную каготам, чтобы смягчить суеверие, из-за которого еще недавно люди отказывались смешиваться с ними в доме Божьем. Однажды один кагот разыграл прихожан в Ларроке с помощью трюка, о котором я только что рассказал. Он небрежно запер большую дверь церкви, пока большая часть жителей служила мессу внутри; в сам замок он насыпал гравия, чтобы не было возможности использовать дубликат ключа, - и имел удовольствие видеть, как гордые чистокровные люди выходят, склонив голову, через маленькую низкую дверь, которую используют ненавистные каготы.

Мы, естественно, потрясены, узнав из подобных фактов о беспричинной злобе, с которой невинные и трудолюбивые люди так недавно подвергались преследованиям. Мораль истории этой проклятой расы, пожалуй, лучше всего передают слова эпитафии миссис Мэри Хэнд, похороненной на церковном дворе Стратфорда-на-Эйвоне: "Какие недостатки вы видели во мне?"

Старайся избегать тех недостатков, которые ты видел во мне;

И посмотри на свой дом; там есть над чем поработать.